

УДК 101:316.2:6

СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ И ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ

С.С. Бурухин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Современное понимание проблемы социального действия и его эффективности раскрыто в свете анализа воззрений западноевропейских и отечественных теоретиков. Со времени М. Вебера эффективность социального действия связывалась со степенью рационализации жизнедеятельности человека и общества. Х. Арендт вскрыла экзистенциальную природу труда и перенесла смысловую значимость социального действия в публично-политическое пространство. Э. Гидденс изучил социальное действие в контексте социальной и системной интеграции. С точки зрения российских теоретиков, социальное действие есть результат активного отношения субъекта к действительности. Его эффективность проявляется в получении общественно значимого продукта – положительного социального опыта и межличностных связей. Социальное действие представлено как результат субъект-субъектных отношений, инициированный дискурсивным и практическим сознанием индивида. Эффективность социального действия зависит от ряда факторов: степень открытости обсуждения темы; скорость реализации замысла, общая заинтересованность всех участников социальных практик; реальная польза и длительность обеспечения социальной значимости действия; правовая и морально-политическая ответственность каждого актора за результат.

Ключевые слова: общественное развитие, социальное действие, эффективность, коммуникация, ответственность, дискурс, норма, ценность.

Важным показателем общественного развития является социальная эффективность, критерии и ценностные основания которой можно выявить, обратившись к проблематике социального действия. Выступая в качестве индикатора степени развитости общества, социальная эффективность означает, что в экономическую и политико-правовую сферу вкладываются продуктивно работающие социальные ресурсы, когда действителен принцип «все и каждый выигрывают от общего благосостояния».

Напрямую вопрос об эффективности социального действия в литературе еще не поднимался. Между тем проблематика социальной эффективности как показателя общественного развития видится актуальной. Во-первых, усиливается сетевой формат взаимодействия на базе массмедийных и IT-технологий, во-вторых, становится динамичным пространство дискурсивных практик, которое может сужаться, расширяться, прерываться, изменять правила; в-третьих, углубляется кодово-символический характер коммуникаций, способный нюансировать действующий институциональный порядок или порождать новые легитимные отношения [7]. Каковы же ценностные основания социального действия в таких столь новых условиях? Ответ на этот вопрос в совокупности можно найти в трудах западноевропейских и отечественных теоретиков общественного развития.

Принято считать, что понятие «социальное действие» впервые введено М. Вебером в работе «Основные социологические понятия» (1913) [9]. В русле его дальнейших работ выявляется линия осмысления эффективности социального действия через такие понятия, как полезность, полезные блага, легальность и ценность. С посыла М. Вебера эффективность социального действия объяснялась преимущественно степенью рационализации жизнедеятельности человека и общества. Как известно, Вебер векторно разделил социальное действие на четыре подвида: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. В основу такой типологии были положены ценностные представления человека, связанные со способностью ставить цель, поступать в соответствии со своими веровательными представлениями, придерживаться традиции, а также экспрессивно реагировать на окружающую действительность.

Экзистенциальные основания социального действия

Двигаясь в русле «познавательных шагов» Вебера, немецко-американский философ Ханна Арендт представляет активность жизненного существования человека на основе триады «труд» – «создание» – «действие». На опережение отметим, что терминологически и по-английски, и по-немецки эти понятия плохо укладываются в русскую лексику. В.В. Бибихин, переводивший работы Арендт, признается: «По-русски, для избежания искусственности, каждую из трех деятельностей приходится передавать терминологической парой: labor (Arbeit) – *труд и работа*; work (Herstellen) – *создание и изготовление*; action (Handeln) – *поступок и действие* [3, с. 426].

Три основных вида деятельности человека, как и соответствующие им условия, Арендт укладывает в формулу активности человеческой жизни «Vita Activa». По замыслу автора, эта формула означает следующее: «Vita activa, человеческая жизнь, насколько она погружается в деятельное бытие, движется в мире вещей и людей, от которого она никогда не уходит и который она ни в чем не трансцендирует... Этот объемлющий мир, внутри которого рождается каждый, обязан по сути своим существованием человеку, его изготовлению вещей, его попечительной заботе о почве и ландшафте, его действиям организации политических связей в человеческих сообществах» [1, с. 32]. Иными словами, Арендт постулирует факт, что социальное действие непредставимо вне человеческого общества.

«Труд» или «работа» – первый вид деятельности в формуле «Vita Activa». Арендт вскрывает экзистенциальную природу труда как необходимого условия сохранения жизни индивида. В своих исходных позициях она солидаризируется с К. Марксом. В работе «Vita Activa, или О деятельной жизни» (1957) она подробно цитирует марксовское определение труда как «процесса между человеком и природой, в котором человек своим собственным деянием обеспечивает, упорядочивает и контролирует свой обмен веществ с природой», так что его продуктом становится «природное вещество, приспособленное путем изменения формы к человеческим потребностям...» [1, с. 127]. Двигаясь дальше, Арендт ревизирует классическое понимание труда и рассматривает его в контексте единства работы и потребления. В реалиях современного «общества потребления», по наблюдениям Арендт, марксовское понимание труда явно требует корректировки. Этому способствуют два важных фактора. Во-первых, меняются формы насильственности: открытая эксплуатация, при-

нуждение, подавление уступают место нормативности и правовому регулированию. Во-вторых, приходит эра автоматизации, фантастические возможности которой, с одной стороны, облегчают труд человека, а с другой стороны, обесценивают значимость труда. Арендт горько иронизирует, что человеку, имманентно вовлеченному в биологический круговорот жизни, скоро останется только «усилие» открывать рот, чтобы проглотить еду [1, с. 168].

Веками складывавшееся «трудовое общество», по наблюдениям Арендт, начинает перерастать в новый тип – в «общество потребления» и в качестве такового уже не имеет достаточно социальных ресурсов, чтобы «поддерживать равновесие между работой и потреблением» и тем самым приносить людям пользу [1, с. 172]. Предвиденный Марксом положительный эффект от эмансипации труда и появления свободного времени для трудящихся, в обществе потребления, на взгляд Арендт, приобретает искаженный характер. Наблюдается злоупотребление культурой, ее потребительски истощают для развлечения масс, которым надо «убить пустое время». Чем легче становится жизнь в социуме трудящихся и потребителей, тем труднее ощутить напор жизненной необходимости, чьи внешние былые признаки (тяготы и бедствия) постепенно исчезают.

«Создание» или «изготовление» – второй вид деятельности в формуле «*Vita Activa*». Для объяснения сути процесса «создания» Арендт использует марксовский термин «овеществление». «Изготавливающая деятельность *homo faber*'а, создающего мир, происходит как овеществление» [1, с. 178]. Изготовление осуществляется всегда в соответствии с моделью, по образцу которой создается вещь. В иерархии *vita activa* для Арендт важно, что представления (модель), руководящие процессом изготовления, не только предшествуют ему, но и после изготовления предмета (проекта, конструкции) не исчезают, а остаются актуальными, делающими возможным тиражирование идентичных результатов. Арендт предупреждает об ошибочности рассматривать результат изготовления как результат повторения [1, с. 182]. Повторение – ритмическая последовательность, способ, каким работа подчинена круговращению биологической жизни. Изготовление по образцам – это приращивание того, что уже обладает относительной стабильностью. Это – факт постоянного пребывания модели и образца.

Свои рассуждения о сути созидательной деятельности Арендт выстраивает в духе понимания целерационального действия Вебера, утверждая, что процесс «создания/изготовления» есть результат единения цели и средства. В отличие от труда/работы изготовление имеет определенное начало и определенный, предсказуемый конец. В этом случае человек как *homo faber*, способный воспроизводить свой результат из раза в раз, оказывается перед вопросом – «отвечает ли творение его рук представлению его духа, и волен, если оно ему не нравится, разрушить его» [1, с. 185]. В мире *homo faber* все должно продемонстрировать свою конечную полезность. Арендт различает цель и смысл процесса изготовления. Цель, коль скоро она достигнута, перестает быть целью, утрачивая свою способность диктовать выбор. Смысл же, напротив, присутствует постоянно, он может утрачивать свой характер, раскрываясь в поступке человека, и может приобретать новое значение.

На первый взгляд в подобных рассуждениях кроется некое противоречие: с одной стороны, говорится о постоянстве смысла, с другой – об утрате характера смысла или о его новом значении. Противоречие «снимается», когда

речь заходит не о homo faber, а о мире человека мыслящего. Изготавливать – значит жизнь по правилам. А жить по правилам для Арендт означает жить не своим умом. В силу такой установки мыслительная деятельность – особая тема для Арендт. Она постоянно говорит об «очистительной» стороне мышления в каждом поступке человека. В одной из последних работ «Мышление и соображения морали» (1971) она прямо пишет: «Очистительная сторона мышления, сократовское повивальное искусство, демонстрирующее импликации некритически принятых мнений и тем самым разрушающее их – ценности, учения, теории и даже убеждения – имеют косвенно политический характер... Она [способность суждения – С.Б.] есть способность судить об *особенном*, не подводя его под те общие правила, которые можно внушать и заучивать до тех пор, пока они не превратятся в привычки, заменимые на другие правила и привычки» [2, с. 256].

«Поступок» или «действие» – третий вид деятельности в формуле «Vita Activa», символизирующий наивысшую активность человека. Действие разворачивается в процессе прямой коммуникации людей. Если «труд» – это сама жизнь, а «изготовление» – это продуцирование искусственного мира людей, то «действие» – это «способность самому вносить новую инициативу, т. е. поступать» [1, с. 16]. Люди – обусловленные существа – рефреном звучит мысль Арендт. Все, с чем человек имеет дело, непосредственно превращается в условие его существования. Человек живет в русле рассуждений, сформулированных двумя значимыми для Арендт философами: «я стал сам себе вопросом» (Августин) и «кто мы такие» (Кант). Окончательный ответ на эти вопросы найти невозможно, однако вести поиск жизненно необходимо. Каждый поступок, каждое действие – это и есть шаг к ответу на вопрос «кто я?».

Действие присуще любой ситуации жизни человека. Благодаря действию человек идентифицирует себя среди других людей – и уникальных, и равных одновременно. В интенции Арендт действие тесно связано с речью. Действие держит готовым ответ на вопрос. Речь помогает разъяснить этот вопрос. Если поступок не сопровождается аргументацией, его ценность утрачивается. По наблюдениям Арендт, поступки без разъяснения имеют, как правило, скрытую цель: или шокировать других своей непонятностью, или саботировать всякую возможность взаимопонимания. «Это проясняющее качество речи и поступка, делающее так, что поверх слова и поступка говорящий и действующий тоже выступает в явленность, дает, однако, о себе знать собственно только там, где люди говорят и действуют друг с другом, а не один вместо другого и не против другого», – пишет Арендт [1, с. 235]. Потом эту мысль о необходимости преодоления дискурсивного противостояния отчетливо разовьет Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного действия.

Таким образом, двигаясь в русле концепции рационального действия (Вебер) и понимания труда как процесса овеществления жизненно важных потребностей человека (Маркс), Арендт выстраивает собственную конструкцию жизни человека в социуме, именуя ее *vita activa*. Сущность жизни человека в обществе видится ей в единстве осуществления им трех видов деятельности: труд / изготовление / действие. Труд как жизненно необходимая работа по созданию вещей и идей есть одновременно и процесс, и результат, продуктивность которых во многом зависит от активности индивида и группы. Труд как экзистенциальное состояние человека не имеет ни начала, ни конца; процесс

изготовления имеет начало и конец; социальное действие имеет начало, но не имеет окончания, поскольку вопрос его пользы («ценность содеянного» в терминологии Арендт) трудно измерить здесь-и-теперь, его значимость проявится в перспективе.

Социологические основания социального действия

В русле концепции коммуникативного действия Юргена Хабермаса (см. подробно: [5]) движется английский социолог Энтони Гидденс, проанализировавший эффективность социального действия в категориях субъект-субъектных отношений. Для него важным является встроенность социального действия в социальную и системную интеграцию. Социальная интеграция – интеракция людей, которые прямо или косвенно друг друга знают, системная интеграция – это интеракция различных систем.

Если Арендт пользуется термином «человек», Хабермас – «субъект коммуникативного действия» или «актор», то Гидденс прямо говорит о человеке как о «деятеле», как о «субъекте деятельности». Формулируя свою теорию структуризации, Гидденс считает, что внимание исследователей общественного развития не должно быть нацелено только на представления и опыт отдельного индивида или, наоборот, только на устойчивые социетальные связи в социуме. Предметом исследования должны стать упорядоченные в пространстве и времени социальные практики как результат сознательной человеческой деятельности. Человеческую деятельность, считает Гидденс, нельзя рассматривать одномерно, как простую последовательность действий. Деятельность, как и познание, предстает в виде непрерывного потока поведенческих проявлений. Он прямо пишет: «“Деятельность” нельзя рассматривать как простую комбинацию “действий”: последние возникают лишь благодаря дискурсивному моменту внимания к потоку пережитого опыта» [6, с. 41]. Говоря о деятельности, Гидденс имеет в виду не только намерение субъекта сделать что-то, но и его способность сделать что-то в первую очередь, а что-то – во вторую. Такая позиция позволяет связывать деятельность с проявлением властных полномочий. Индивид, являясь инициатором и движущей силой деятельности, обладает властью повести себя так или иначе на любом этапе установленной последовательности действий.

В работе «Устроение общества: Очерк теории структуризации» (1984) Гидденс выводит стратификационную модель человека-деятеля, в основе которой лежит принцип рефлексивности. Рефлексивность в интенции Гидденса являет собой «непрерывный мониторинг деятельности», осуществляемый как самим индивидом, так и окружающими его людьми. Модель человека-деятеля включает три уровня: первый уровень – непознанные обстоятельства поступка; второй уровень – рефлексивный мониторинг действия, рационализация действия, мотивация действия; третий уровень – непреднамеренные последствия поступка [6, с. 44]. Следуя, как и предыдущие теоретики, в русле теории рационализации действия Вебера, Гидденс постулирует, что индивиды обладают умением находить и объяснять цель и причины собственных замыслов и действий, а также способны аргументированно излагать их суть другим людям. Он прямо пишет: «Говоря о рационализации действия, мы подразумеваем, что акторы – в установленном порядке и, как правило, без излишней суеты – поддерживают целостное “теоретическое представление” о мотивах собственных действий» [там же].

Рационализацию действия Гидденс предпочитает отличать от двух других понятий, встроенных в его стратификационную модель человека-деятеля, а именно от рефлексивного мониторинга и от мотивации.

Рефлексивный мониторинг социального действия связан с контролем, с пониманием связности и последовательности предпринимаемых шагов. Как систематическое наблюдение за состоянием собственных поступков и поведением других людей, рефлексивный мониторинг предполагает самоконтроль, самооценку и возможную корректировку дальнейшего действия.

Мотивация социального действия, в отличие от рефлексивного мониторинга, не связана напрямую с последовательностью выполнения задач. Она касается, скорее, потенциальных возможностей действия, чем его операционных шагов. Гидденс считает, что мотивы имеют прямое отношение к действию не в процессе его рутинного исполнения, а, наоборот, только в нестандартных ситуациях, нарушающих привычный ход событий. Высказывая критические замечания, касающиеся интерпретации Фрейдом природы и сущности бессознательного действия, английский теоретик все же признает значение подсознательной мотивации человеческого поведения.

Таким образом, если рефлексивный мониторинг олицетворяет самоконтроль, а мотивация упрята в глубинах потенциального, то рационализация социального действия связана с проявлением практического и дискурсивного сознания индивида. Гидденс прямо говорит, что понятие практического сознания представляет фундамент его теории структуризации. Оно является свойством исключительно социального действия, а не рутинного действия и не ответной реакции. Практическое сознание проявляется в знаниях и навыках человека-деятеля и в уровне его компетентности, т.е. способности применить свои знания и навыки в нужный момент. Между практическим сознанием [в терминологии Гидденса «взаимным знанием» или «знанием прикладного характера». – *Авт.*] и дискурсивным сознанием не существует очевидных преград. Граница между ними изменяется под воздействием новых обстоятельств – степени социализации деятеля или накопления индивидуальных знаний и опыта. «Таким образом, между дискурсивным и практическим сознанием не существует преград; речь идет лишь о несовпадении между тем, что может быть сказано, и тем, что обычно делается», – подчеркивает Гидденс, имея в виду часто распространенную социальную практику расхождения слова и дела [6, с. 46].

В числе первых Гидденс уделяет особое внимание вопросу непреднамеренного последствия действия. Если результаты поступков коммуникантов связаны с публично поставленной целью, с артикуляцией причин, намерений и мотивов, то тогда эффективность социального действия очевидна: «сделано» в соответствии с целью, открыто и под контролем. Сложнее говорить об успешности непреднамеренного действия. Гидденс иронизирует, что философы «израсходовали море чернил», пытаясь проанализировать сущность преднамеренного действия. Между тем велика значимость непреднамеренного поведения человека-деятеля. Понятие «преднамеренность» Гидденс отождествляет с интенциональностью, т.е. с дискурсивной направленностью сознания человека-деятеля на достижение результата [6, с. 51]. Видно, что в центре понятия лежит слово «намерение». Сам автор объясняет так: намерение предполагает осведомленность субъекта относительно возможных последствий того или иного действия, следовательно, имеют место и его ожидания. Конечно, при-

знается Гидденс, можно предвидеть некие события, будучи и незаинтересованными в них, но невозможно без намерения не ожидать их появления [6, с. 85]. Подобные рассуждения еще раз подчеркивают гибкость границы между практическим и дискурсивным сознанием человека-деятеля. Всегда следует различать, что субъект «делает» и что субъект «планирует».

Гидденс солидаризируется с мнением американского социолога Роберта Мертона о важности изучения непреднамеренных [«непредвиденных» в терминологии Мертона. – *Авт.*] последствий социального действия. Результатом как намеренного, так и непреднамеренного действия становится событие, которое может «произойти», поведи себя субъект в соответствии с целью, а может и «не произойти», поведи себя субъект действия не в соответствии с целью. Результат намеренного действия, как правило, предопределен и подвластен субъекту; последствия же непреднамеренного действия могут приобретать самый разнообразный характер и выходят из-под контроля субъекта действия, невзирая на силу его намерений. Для усиления этой мысли Гидденс цитирует Мертона: «Конкретный поступок (элемент деятельности) может повлечь за собой: а) незначимые или б) значимые последствия, которые в свою очередь подразделяются на в) однократно значимые и г) многократно значимые» [6, с. 52]. Деятельность как сложный поток проявлений активности человека поведения предполагает рациональность его действий. Однако преднамеренное действие может иметь и непреднамеренные последствия, совершенно неожиданные для субъекта. Гидденс приводит три сюжета возможных непреднамеренных последствий и иллюстрирует их примерами из истории: 1) первоначальное действие влечет за собой непреднамеренные события; 2) рациональные, но разрозненные действия приводят к иррациональному финалу; 3) многократное воспроизводство институциональных практик может проявиться в «нерефлексивном цикле обратной связи (причинно-следственные петли)», по выражению Мертона [6, с. 54–55].

Чтобы не повторяться, приведем вслед за Гидденсом схожие примеры из русской истории. Иллюстрацией того, как первоначальное действие может повлечь за собой непреднамеренные события, могут служить преобразования в России в первой четверти XVIII в.: осуществляя свои реформы, Петр I не мог и предположить, какую волну нерефлексивного культурного заимствования они вызовут, в какой «плен» попадет сознание образованного сословия дворян. Второй сценарий непреднамеренного последствия рациональных, но разрозненных шагов демонстрируют события между Февральской революцией и Октябрьским восстанием в Петрограде в 1917 г.: пока эсеры решали вопрос о земле, кадеты – о войне, Временное правительство – о власти, в итоге мало известная партия большевиков установила в стране новый, советский режим на семьдесят лет вперед. Примером того, как воспроизводство институциональных практик может обернуться нерефлексивной обратной связью, является догматическая политика православной церкви, в определенной мере вызвавшая волну массового атеизма у населения в начале XX столетия, а также появление разного рода неорелигиозных движений и организаций.

Возвращаясь к Гидденсу, отметим его мысль о том, что непреднамеренное действие – это не сфера бессознательного поведения. Английский социолог считает, что непреднамеренное действие, как и преднамеренное, поддается объяснению и измеряется с точки зрения общественной пользы. В этом

он соглашается с Мертоном, который утверждал, что, обнаруживая латентную функцию непреднамеренных действий – следствие, способствующее процессу непрерывного воспроизводства конкретной социальной практики, – мы демонстрируем, что непреднамеренные действия не так уж и иррациональны. Например, повторяющиеся действия, изначально локализованные в одном пространственно-временном контексте, непреднамеренно могут привести к тому, что впоследствии в удаленной ситуации они станут упорядоченными и стандартными. То, что происходит в новых условиях, прямо или косвенно воздействует на обстоятельства деятельности в исходной ситуации. Непреднамеренные последствия возникают постоянно, являясь своеобразным «побочным продуктом» традиционного поведения, рефлексивно поддерживаемого субъектами деятельности.

Таким образом, природа социального действия, по Гидденсу, проявляется в контексте социальной и системной интеграции. Человек-деятель осуществляет преднамеренные действия, вступая в субъект-субъектные отношения, постепенно складывающиеся в устойчивые социальные практики. Главным основанием для достижения эффективности социального действия служит способность субъекта к рефлексивности, т.е. способности объяснять, контролировать и оценивать процесс и результаты деятельности как потока поведенческих проявлений активности человека. Преднамеренное действие может иметь различный резонанс: очевидный, общественно значимый результат или, наоборот, новый результат, не фигурировавший в первоначальных замыслах его создателей.

Психологические основания социального действия

В среде отечественных теоретиков социальное действие рассматривается на междисциплинарном уровне. Рассуждения об эффективности социального действия, как правило, центрируются вокруг таких понятий, как «деятельность», «операция», «поступок». Среди большого числа версий выглядит созвучным современным реалиям предложенное Н.Е. Рубцовой уточненное определение деятельности как форма активного отношения субъекта к действительности, направленная на достижение сознательно поставленных целей и связанная с получением общественно или личностно значимого продукта (результата), в том числе – освоением социального опыта, развитием субъекта или формированием межсубъектных и межличностных отношений [10]. Соответственно профессиональная (трудовая) деятельность – это частный случай (разновидность) деятельности, представляющая собой социально одобренное проявление целенаправленной активности человека, выступающего в роли субъекта труда, состоящее в выполнении определенных внутренних (умственных) и внешних (предметных) действий и операций, направленных на создание какого-либо материального или духовного продукта. Такая деятельность выражает индивидуальную форму существования общественных отношений, характеризующую способ включения человека как онтологического субъекта и личности в существующую систему разделения труда, поскольку требует от человека определенной предварительной подготовки (профессионализма), осуществляется в рамках определенного сформировавшегося трудового поста и вознаграждается обществом в соответствии с имеющейся социально-экономической системой.

В целом отечественные теоретики рассматривают социальное действие в духе Вебера как процесс, подчиненный представлению о результате; как процесс, подчиненный осознанной цели [4, с. 124]. Согласно классическому подходу А.Н. Леонтьева, в качестве исходных, «главных» единиц деятельности выделяются действия. Деятельность состоит из действий, а действия реализуются в операциях, представляющих собой выполнение действия в конкретных условиях. Таким образом, деятельность получает трехуровневое системное строение, представленное уровнями отдельной деятельности, комбинаций действий и операций.

В российской традиции понимания социального действия есть пересекающиеся моменты со взглядами западноевропейских теоретиков: формированию действия предшествует формирование образа ситуации и образа действия, которые должны быть выполнены («модель действия» у Арендт); при осуществлении действия происходит декомпозиция регулирующего образа, его уточнение («реальная дискуссия», по Хабермасу); действие обладает порождающими свойствами («рефлексивность», по Гидденсу) и другие общие точки понимания. В отечественной психологической науке создано несколько классификаций социального действия. К выделенным классам относятся управляющее, исполнительное, утилитарно-приспособительное, перцептивное, умственное, коммуникативное действие и т. д. По другим основаниям для классификации действия делят на игровые, учебные, трудовые, сценические, спортивные и т. д. [4, с. 125].

Н.Е. Рубцова разработала интегративно-типологический подход к пониманию социального действия в профессиональном пространстве [10; 11]. Продуктивность данного подхода видится в том, что он позволяет рассматривать деятельностьную активность индивидуального субъекта, например, на этапе профессионального становления, достаточно широко – как метасубъектную активность личности. Поскольку профессиональный труд является ведущей деятельностью человека и фактором его личностного развития на протяжении практически всей жизни, данная типология в качестве классификационных оснований использует три базовых аспекта принципиальной включенности субъекта труда во внешний мир, в первую очередь в жизнедеятельность социума – информационный, деятельностьный и аксиологический.

Исследователи справедливо отмечают, что изучение субъекта труда в современном социогуманитарном знании высвечивает ряд проблем теоретического и методологического характера. Во многом это связано с изменением ценностных оснований труда, с трансформацией самой сферы труда. Под влиянием глобализационных процессов, научно-технического прогресса, социально-экономических и политико-правовых факторов появляются новые виды труда, а традиционные виды труда претерпевают содержательные изменения, и все это недостаточно учитывается в концепциях деятельной активности личности. «Некоторые новые виды труда имеют пока только слэнговые названия и не выделены в самостоятельные разряды, хотя их психологическая специфика искажает результаты исследований тех традиционных разрядов, к которым они отнесены», – фиксируют тенденцию российские исследователи С.Л. Леньков и Н.Е. Рубцова [8, с. 25].

Прямо или косвенно разработки отечественных теоретиков показывают, что достаточно высокому уровню эффективности труда способствует лич-

ностная специфика профессионала, в частности повышенная выраженность таких коммуникативных свойств, как общительность, экспрессивность, смелость социальных контактов, повышенная выраженность нормативности, дипломатичность, организаторские склонности и т. д. [8, с. 30–31]. Снижают эффективность социального действия такие факторы, как «непрофессионализм» (дефицит тех или иных функциональных свойств, необходимых для полноценного выполнения деятельности); профессиональное выгорание; профессиональный маргинализм; отсутствие возможности равномерного развития некоторых личностных свойств [8, с. 34].

В русле классической теории деятельности действие осуществляется посредством операций. Как отмечалось выше, согласно А.Н. Леонтьеву, одна и та же цель, соотносимая с действием, может быть достигнута в разных условиях, следовательно, одно действие может быть реализовано разными операциями. Отметим, что Л.С. Выготский придал пониманию действия социокультурное значение, пересекаясь в своих рассуждениях с Ж. Пиаже: «Операция – это интегрированные обратимые и скоординированные в связные структуры действия, выступающие как психологические механизмы мышления» [4, с. 354].

Вполне справедливо сравнение таких понятий, как поступок и действие. В этой паре понятий общим является выбор цели и средств действия, публичность и ответственность. Однако, в отличие от действия, поступок рассматривается как личностно-осмысленное, лично сконструированное и лично реализованное поведение [4, с. 402]. Поступок характеризуется единственностью, событийностью; действие – повторяемостью, согласованностью. Успешный поступок и успешное действие – это разные вещи. Для оценки успешности действия используются процессуально-целевые критерии. Действие считается успешным, если оно либо выполнено в соответствии с алгоритмом, либо достигло цели и т.д. Поступок может не достичь цели, но при этом считаться успешным, поскольку в его основании лежат морально-этические регуляторы.

В качестве итогов. Социальное действие – сложный понятийный континуум, имеющий экзистенциальные, коммуникативные, социальные и психологические основания. Структура социального действия включает цель, намерения, ожидания, причины, комплекс операций, контроль, обратную связь и корректировку результатов. Центральной фигурой социального действия выступает человек или сообщество как субъект деятельности и коммуникации. Эффективность социального действия можно объяснить силой его легального статуса, но одного этого недостаточно. Для содержательного осмысления эффективности социального развития следует обращаться к вопросам ценностно-смыслового наполнения результатов действия – пользы как ценности содеянного, продуктивности, блага, легитимности.

Поиск экзистенциальных оснований социального действия приводит нас к пониманию того, что действие есть способность субъекта труда не только создавать новый продукт (в широком смысле слова – вещь, знание, проект, конструкция и т. д.), но, главное, вносить новую инициативу, поступать ответственно, идентифицируя тем самым себя и свое сообщество вновь и вновь, в каждый момент своей жизненной активности.

С коммуникативной точки зрения социальное действие есть результат субъект-субъектных отношений, инициированный дискурсивным и практическим сознанием индивида. Эффективность социального действия зависит от ря-

да факторов: степень открытости обсуждения темы; скорость реализации замысла: общая заинтересованность всех участников социальных практик; реальная польза и длительность обеспечения социальной значимости действия; правовая и морально-политическая ответственность каждого актора за результат.

С позиции общественного развития социальное действие следует рассматривать встроенным в сложный континуум социальной и системной интеграции, в упорядоченные в пространстве и времени социальные практики, являющиеся результатом сознательной человеческой деятельности. Действие возникает во многом благодаря дискурсивной направленности на поток переживаемого и пережитого опыта. Успешность социального действия зависит от степени рефлексивности человека-деятеля, т. е. от его способности осуществлять непрерывный мониторинг процесса и результатов деятельности индивида и окружающих его людей.

С психологической точки зрения социальное действие есть результат активного отношения субъекта к действительности, направленный на достижение сознательно поставленных целей и связанный с получением общественно значимого продукта (результата), с освоением социального опыта, формированием межсубъектных и межличностных отношений.

Список литературы

1. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; под ред. Д.М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Арендт Х. *Ответственность и суждение* / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во института Гайдара, 2013. 352 с.
3. Бибихин В.В. *Послесловие переводчика* // Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; под ред. Д.М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
4. *Большой психологический словарь* / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.
5. Бурухин С.С., Михайлова Е.Е. Эффективность социального действия в воззрениях Ю. Хабермаса // *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия*. 2016. № 4. С. 165–175.
6. Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуризации* / пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
7. Клинова Д.А., Михайлова Е.Е. *Дискурсивное пространство информационного общества и социальная легитимация*. Тверь: Изд-во «СФК-офис», 2015. 162 с.
8. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Личностные свойства профессионала в структуре психологических типов деятельности // *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология*. 2016. № 1. С. 21–40.
9. Мельник Н.Н. *Теории социального действия: от многообразия подходов к интеграции*. М. Вебер, Ю. Хабермас, Х. Йоас // *Социологический альманах*. Минск, 2013. № 3. С. 260–266.

10. Рубцова Н.Е. Структура психологического пространства профессионального труда в современной России // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2014. № 1 (68). С. 29–32.
11. Рубцова Н.Е., Леньков С.Л. Психолого-педагогические модели профессионального становления: кросс-культурный анализ // Человек и образование. 2015. № 1 (42). С. 123–128.

SOCIAL ACTION AND ITS EFFECTIVENESS

S.S. Burukhin

Tver State Technical University, Tver, Russia

A contemporary understanding of the problem of social action and its effectiveness is revealed on the basis of Western European and Russian theorists' views analysis. Since the time of M. Weber, the effectiveness of social action has been associated with the degree of rationalization of the vital activity of man and society. H. Arendt revealed the existential nature of labor and associated the semantic significance of social action with the public and political space. E. Giddens studied social action in the context of social and system integration. From the point of view of Russian theoreticians, social action is the result of an active attitude of a subject to reality, its effectiveness manifests itself in obtaining a socially significant product - positive social experience and interpersonal relationships. Social action is constituted on the platform of subject-subject relations initiated by the discursive and practical consciousness of the individual. The effectiveness of social action depends on a number of factors: the degree of openness of the discussion on the topic; the speed of realization of the idea, the common interest of all participants in social practices; the real benefits and duration resulting from ensuring the social action's significance; legal and moral-political responsibility of each doer for the result.

Keywords: *social development, social action, effectiveness, communication, responsibility, discourse, norm, value.*

Об авторе:

БУРУХИН Святослав Сергеевич – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: sviatoslav_sb@mail.ru

Author information:

BURUKHIN Svyatoslav Sergeevich – PhD student, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: sviatoslav_sb@mail.ru